

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ

БУЛГАКОВ

САМОЦВЕТНЫЙ БЫТ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я   к л а с с и к а

Михаил Афанасьевич Булгаков

Самоцветный быт

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66431678
Самоцветный быт: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-138494-4

Аннотация

В сборник вошли ранние рассказы и фельетоны, написанные Михаилом Булгаковым в 1920-х гг. и предвосхитившие его будущие, более масштабные по замыслу произведения.

С присущими ему остроумием, наблюдательностью и исключительным мастерством автор показывает некоторые темные стороны новой советской действительности – этого нового, «самоцветного быта». Булгаков высмеивает обывательщину, мещанство, приспособленчество, бюрократизм, и с каждой страницы его искрометной малой прозы веет почти кафкианским кошмаром – невероятно смешным в своей абсурдности, пусть даже смех этот нередко сквозь слезы...

Содержание

Неделя просвещения	5
Похождения Чичикова	13
Пролог	14
1	15
2	17
3	18
4	21
5	24
6	25
7	28
8	30
9	33
10	34
Эпилог	37
Чаша жизни	38
Самоцветный быт	46
День нашей жизни	53
Беспокойная поездка	62
Тайны Мадридского двора	67
Лестница в рай	72
Серия ноль шесть № 0660243	75
Как он сошел с ума	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Михаил Булгаков
Самоцветный быт
(Сборник)

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Неделя просвещения

Заходит к нам в роту вечером наш военком и говорит мне:

– Сидоров!

А я ему:

– Я!

Посмотрел он на меня пронзительно и спрашивает:

– Ты, – говорит, – что?

– Я, – говорю, – ничего...

– Ты, – говорит, – неграмотный?

Я ему, конечно:

– Так точно, товарищ военком, неграмотный.

Тут он на меня посмотрел еще раз и говорит:

– Ну, коли ты неграмотный, так я тебя сегодня вечером отправлю на «Травиату»!

– Помилуйте, – говорю, – за что же? Что я неграмотный – так мы этому не причинны. Не учили нас при старом режиме.

А он отвечает:

– Дурак! Чего испугался? Это тебе не в наказание, а для пользы. Там тебя просвещать будут, спектакль посмотришь, вот тебе и удовольствие.

А мы как раз с Пантелеевым из нашей роты нацелились в этот вечер в цирк пойти.

Я и говорю:

– А нельзя ли мне, товарищ военком, в цирк уволниться вместо театра?

А он прищурил глаз и спрашивает:

– В цирк?... Это зачем же такое?

– Да, – говорю, – уж больно занятно... Ученого слона водить будут, и опять же рыжие, французская борьба...

Помахал он пальцем.

– Я тебе, – говорит, – покажу слона! Несознательный элемент! Рыжие... рыжие! Сам ты рыжая деревенщина! Слоны-то ученые, а вот вы, горе мое, неученые! Какая тебе польза от цирка? А? А в театре тебя просвещать будут... Мило, хорошо... Ну, одним словом, некогда мне с тобой долго разговаривать... Получай билет, и марш!

Делать нечего – взял я билетик. Пантелеев, он тоже неграмотный, получил билет, и отправились мы. Купили три стакана семечек и приходим в «Первый советский театр».

Видим, у загородки, где впускают народ, – столпотворение вавилонское. Валом лезут в театр. И среди наших неграмотных есть и грамотные, и все больше барышни. Одна было и сунулась к контролеру, показывает билет, а тот ее и спрашивает:

– Позвольте, – говорит, – товарищ мадам, вы грамотная?

А та сдуру обиделась:

– Странный вопрос! Конечно, грамотная. Я в гимназии училась!

– А, – говорит контролер, – в гимназии. Очень приятно.

В таком случае позвольте вам пожелать до свидания!

И забрал у нее билет.

– На каком основании, – кричит барышня, – как же так?

– А так, – говорит, – очень просто, потому пускаем только неграмотных.

– Но я тоже хочу послушать оперу или концерт.

– Ну, если вы, – говорит, – хотите, так пожалуйста в Кавсо-
юз. Туда всех ваших грамотных собрали – доктора там, фер-
шала, профессора. Сидят и чай с патокою пьют, потому им
сахару не дают, а товарищ Куликовский им романсы поет.

Так и ушла барышня.

Ну, а нас с Пантелеевым пропустили беспрепятственно и
прямо провели в партер и посадили во второй ряд.

Сидим.

Представление еще не начиналось, и потому от скуки по
стаканчику семечек сжевали. Посидели мы так часика пол-
тора, наконец стемнело в театре.

Смотрю, лезет на главное место огороженное какой-то. В
шапочке котиковой и в пальто. Усы, борода с проседью и из
себя строгий такой. Влез, сел и первым делом на себя пенсне
одел.

Я и спрашиваю Пантелеева (он хоть и неграмотный, но
все знает):

– Это кто же такой будет?

А он отвечает:

– Это дери, – говорит, – жер. Он тут у них самый главный.

Серьезный господин!

— Что ж, — спрашиваю, — почему ж это его напоказ сажают за загородку?

— А потому, — отвечает, — что он тут у них самый грамотный в опере. Вот его для примеру нам, значит, и выставляют.

— Так почему ж его задом к нам посадили?

— А, — говорит, — так ему удобнее оркестром хороводить!..

А дирижер этот самый развернул перед собой какую-то книгу, посмотрел в нее и махнул белым прутиком, и сейчас же под полом заиграли на скрипках. Жалобно, тоненько, ну прямо плакать хочется.

Ну, а дирижер этот действительно в грамоте оказался не последний человек, потому два дела сразу делает — и книжку читает, и прутом размахивает. А оркестр нажаривает. Дальше — больше! За скрипками на дудках, а за дудками на барабане. Гром пошел по всему театру. А потом как рывкнет с правой стороны... Я глянул в оркестр и кричу:

— Пантелеев, а ведь это, побей меня бог, Ломбард, который у нас на пайке в полку!

А он тоже заглянул и говорит:

— Он самый и есть! Окромя его, некому так здорово врезать на тромбоне!

Ну, я обрадовался и кричу:

— Браво, бис, Ломбард!

Но только, откуда ни возмись, милиционер, и сейчас ко мне:

– Прощу вас, товарищ, тишины не нарушать!

Ну, замолчали мы.

А тем временем занавеска раздвинулась, и видим мы на сцене – дым коромыслом! Которые в пиджаках кавалеры, а которые дамы в платьях танцуют, поют. Ну, конечно, и выпивка тут же, и в девятку то же самое.

Одним словом, старый режим!

Ну, тут, значит, среди прочих Альфред. Тоже пьет, закусывает.

И оказывается, братец ты мой, влюблен он в эту самую Травиату. Но только на словах этого не объясняет, а все пением, все пением. Ну, и она ему то же в ответ.

И выходит так, что не миновать ему жениться на ней, но только есть, оказывается, у этого самого Альфреда папаша, по фамилии Любченко. И вдруг, откуда ни возьмись, во втором действии он и шашь на сцену.

Роста небольшого, но представительный такой, волосы седые, и голос крепкий, густой – беривтон.

И сейчас же и запел Альфреду:

– Ты что ж, такой-сякой, забыл край милый свой?

Ну, пел, пел ему и расстроил всю эту Альфредову махинацию, к черту. Напился с горя Альфред пьяный в третьем действии, и устрой он, братцы вы мои, скандал здоровеннейший – этой Травииате своей.

Обругал ее на чем свет стоит, при всех.

Поет:

– Ты, – говорит, – и такая и эдакая, и вообще, – говорит, – не желаю больше с тобой дела иметь.

Ну, та, конечно, в слезы, шум, скандал!

И заболеет она с горя в четвертом действии чахоткой. Послали, конечно, за доктором.

Приходит доктор.

Ну, вижу я, хоть он и в сюртуке, а по всем признакам наш брат – пролетарий. Волосы длинные, и голос здоровый, как из бочки.

Подошел к Травиате и запел:

– Будьте, – говорит, – покойны, болезнь ваша опасная, и непременно вы померете!

И даже рецепта никакого не прописал, а прямо попрощался и вышел.

Ну, видит Травиата, делать нечего – надо помирать.

Ну, тут пришли и Альфред и Любченко, просят ее не помирать. Любченко уж согласие свое на свадьбу дает. Но ничего не выходит!

– Извините, – говорит Травиата, – не могу, должна помереть.

И действительно, попели они еще втроем, и померла Травиата.

А дирижер книгу закрыл, пенсне снял и ушел. И все разошлись. Только и всего.

Ну, думаю: слава богу, просветились, и будет с нас! Скучная история!

И говорю Пантелееву:

– Ну, Пантелеев, айда завтра в цирк!

Лег спать, и все мне снится, что Травиата поет и Ломбард на своем тромбоне крикает.

Ну-с, прихожу я на другой день к военному и говорю:

– Позвольте мне, товарищ военком, сегодня вечером в цирк увольниться...

А он как рыкнет:

– Все еще, – говорит, – у тебя слоны на уме! Никаких цирков! Нет, брат, пойдешь сегодня в Совпроф на концерт. Там вам, – говорит, – товарищ Блох со своим оркестром Вторую рапсодию играть будет!

Так я и сел, думаю: «Вот тебе и слоны!»

– Это что ж, – спрашиваю, – опять Ломбард на тромбоне нажаривать будет?

– Обязательно, – говорит.

Оказия, прости господи, куда я, туда и он со своим тромбоном!

Взглянул я и спрашиваю:

– Ну, а завтра можно?

– И завтра, – говорит, – нельзя. Завтра я вас всех в драму пошлю.

– Ну, а послезавтра?

– А послезавтра опять в оперу!

И вообще, говорит, довольно вам по циркам шлаться. Настала неделя просвещения.

Осатанел я от его слов! Думаю: этак пропадешь совсем. И спрашиваю:

– Это что ж, всю нашу роту гонять так будут?

– Зачем, – говорит, – всех! Грамотных не будут. Грамотный и без Второй рапсодии хорош! Это только вас, чертей неграмотных. А грамотный пусть идет на все четыре стороны!

Ушел я от него и задумался. Вижу, дело табак! Раз ты неграмотный, выходит, должен ты лишиться всякого удовольствия...

Думал, думал и придумал.

Пошел к военному и говорю:

– Позвольте заявить!

– Заявляй!

– Дозвольте мне, – говорю, – в школу грамоты.

Улыбнулся тут военком и говорит:

– Молодец! – и записал меня в школу.

Ну, походил я в нее, и что вы думаете, выучили-таки! И теперь мне черт не брат, потому я грамотный!

Похождения Чичикова

Поэма в десяти пунктах

с прологом и эпилогом

– Держи, держи, дурак! – кричал Чичиков Селифану.

– Вот я тебя палашиом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь, с усами в аришин. – Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж.

Пролог

Диковинный сон... Будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью «Мертвые души», шутник-сатана открыл двери. Зашевелилось мертвое царство, и потянулась из него бесконечная вереница.

Манилов в шубе, на больших медведях, Ноздрев в чужом экипаже, Держиморда на пожарной трубе, Селифан, Петрушка, Фетинья...

А самым последним тронулся он – Павел Иванович Чичиков в знаменитой своей бричке.

И двинулась вся ватага на Советскую Русь и произошли в ней тогда изумительные происшествия. А какие – тому следуют пункты...

Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам, Чичиков ругательски ругал Гоголя:

– Чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною! Испакостил, изгадил репутацию так, что некуда носа показать. Ведь ежели узнают, что я – Чичиков, натурально, в два счета выкинут к чертовой матери! Да еще хорошо, как только выкинут, а то еще, храни бог, на Лубянке насидишься. А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне...

И, размышляя таким образом, въехал в ворота той самой гостиницы, из которой сто лет тому назад выехал.

Все решительно в ней было по-прежнему: из щелей выглядывали тараканы и даже их как будто больше сделалось, но были и некоторые измененьица. Так, например, вместо вывески «Гостиница» висел плакат с надписью: «Общежитие № такой-то», и, само собой, грязь и гадость была такая, о которой Гоголь даже понятия не имел.

– Комнату!

– Ордер пожалте!

Ни одной секунды не смутился гениальный Павел Иванович.

– Управляющего!

Трах! Управляющий старый знакомый: дядя Лысый Пи-

мен, который некогда держал «Акульку», а теперь открыл на Тверской кафе на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, бальзамами и, конечно, с проститутками. Гость и управляющий облобызались, шушукнулись, и дело наладилось вмиг без всякого ордера. Закусил Павел Иванович, чем бог послал, и полетел устраиваться на службу.

Являлся всюду и всех очаровывал поклонами несколько набок и колоссальной эрудицией, которой всегда отличался.

– Пишите анкету.

Дали Павлу Ивановичу анкетный лист в аршин длины, и на нем сто вопросов самых каверзных: откуда, да где был, да почему?..

Пяти минут не просидел Павел Иванович и исписал всю анкету кругом. Дрогнула только у него рука, когда подавал ее.

«Ну, – подумал, – прочитают сейчас, что я за сокровище, и...»

И ничего ровно не случилось.

Во-первых, никто анкету не читал, во-вторых попала она в руки к барышне-регистраторше, которая распорядилась ею по обычаю: провела вместо входящего по исходящему и затем немедленно ее куда-то засунула, так что анкета как в воду канула.

Ухмыльнулся Чичиков и начал служить.

А дальше пошло легче и легче. Прежде всего оглянулся Чичиков и видит: куда ни плюнь, свой сидит. Полетел в учреждение, где пайки-де выдают, и слышит:

– Знаю я вас, скалдырников: возьмете живого кота, обдерете, да и даете на паек! А вы дайте мне бараний бок с кашей. Потому что лягушку вашу пайковую мне хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот и гнилой селедки тоже не возьму!

Глянул – Собакевич.

Тот, как приехал, первым долгом двинулся паек требовать. И ведь получил! Съел и надбавки попросил. Дали. Мало! Тогда ему второй отвалили; был простой – дали ударный. Мало! Дали какой-то бронированный. Сlopал и еще потребовал. И со скандалом потребовал! Обругал всех хриstopродавцами, сказал, что мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет и что есть один только порядочный человек делопроизводитель, да и тот, если сказать правду, свинья!

Дали академический.

Чичиков лишь увидел, как Собакевич пайками орудует, моментально и сам устроился. Но, конечно, превзошел и Собакевича. На себя получил, на несуществующую жену с ребенком, на Селифана, на Петрушку, на того самого дядю, о котором Бетрищеву рассказывал, на старуху мать, которой

на свете не было. И всем академические. Так что продукты к нему стали возить на грузовике.

А наладивши таким образом вопрос с питанием, двинулся в другие учреждения, получать места.

Пролетая как-то раз в автомобиле по Кузнецкому, встретил Ноздрева. Тот первым долгом сообщил, что он уже продал и цепочку и часы. И точно, ни часов, ни цепочки на нем не было. Но Ноздрев не унывал. Рассказал, как повезло ему на лотерее, когда он выиграл полфунта постного масла, ламповое стекло и подметки на детские ботинки, но как ему потом не повезло и он, канальство, еще своих шестьсот миллионов доложил. Рассказал, как предложил Внешторгу поставить за границу партию настоящих кавказских кинжалов. И поставил. И заработал бы на этом тьму, если б не мерзавцы англичане, которые увидели, что на кинжалах надпись «Мастер Савелий Сибиряков», и все их забраковали. Затащил Чичикова к себе в номер и напоил изумительным, якобы из Франции полученным коньяком, в котором, однако, был слышен самогон во всей его силе. И, наконец, до того доврлся, что стал уверять, что ему выдали восемьсот аршин мануфактуры, голубой автомобиль с золотом и ордер на помещение в здании с колоннами.

Когда же зять его Мижув выразил сомнение, обругал его, но не Софроном, а просто сволочью.

Одним словом, надоел Чичикову до того, что тот не знал, как и ноги от него унести.

Но рассказы Ноздрева навели его на мысль и самому заняться внешней торговлей.

Так он и сделал. И опять анкету написал и начал действовать и показал себя во всем блеске. Баранов в двойных тулупах водил через границу, а под тулупами брабантские кружева; бриллианты возил в колесах, дышлах, в ушах и невесть в каких местах.

И в самом скором времени очутились у него около пяти-сот апельсинов капитала.

Но он не унялся, а подал куда следует заявление, что желает снять в аренду некое предприятие, и расписал необыкновенными красками, какие от этого государству будут выгоды.

В учреждении только рты расстегнули – выгода действительно выходила колоссальная. Попросили указать предприятие. Извольте. На Тверском бульваре, как раз против Страстного монастыря, перейдя улицу, и называется – Пампуш на Твербуле. Послали запрос куда следует: есть ли там такая штука. Ответили: есть и всей Москве известна. Прекрасно.

– Подайте техническую смету.

У Чичикова смета уже за пазухой.

Дали в аренду.

Тогда Чичиков, не теряя времени, полетел куда следует:

– Аванс пожалте.

– Представьте ведомость в трех экземплярах с надлежащими подписями и приложением печатей.

Двух часов не прошло, представил и ведомость. По всей форме. Печатей столько, как в небе звезд. И подписи налицо.

– За заведующего – Неуважай-Корыто, за секретаря – Кувшинное Рыло, за председателя тарифно-расценочной комиссии – Елизавета Воробей.

– Верно. Получите ордер.

Кассир только крякнул, глянув на итог.

Расписался Чичиков и на трех извозчиках увез дензнаки.

А затем в другое учреждение:

– Пожалте подтоварную ссуду.

– Покажите товары.

– Сделайте одолжение. Агента позвольте.

– Дать агента!

Тьфу! и агент знакомый: Ротозей Емельян.

Забрал его Чичиков и повез. Привел в первый попавшийся подвал и показывает. Видит Емельян – лежит несметное количество продуктов.

– М-да... И все ваше?

– Все мое.

– Ну, – говорит Емельян, – поздравляю вас в таком случае.

Вы даже не миллионщик, а трильонщик!

А Ноздрев, который тут же с ними увязался, еще подлил масла в огонь.

– Видишь, – говорит, – автомобиль в ворота с сапогами

едет? Так это тоже его сапоги.

А потом вошел в азарт, потащил Емельяна на улицу и показывает:

– Видишь магазины? Так это все его магазины. Все, что по эту сторону улицы, – все его. А что по ту сторону – тоже его. Трамвай видишь? Его. Фонари?.. Его. Видишь? Видишь?

И вертит его во все стороны.

Так что Емельян взмолился:

– Верю! Вижу... Только отпусти душу на покаяние.

Поехали обратно в учреждение.

Там спрашивают:

– Ну что?

Емельян только рукой махнул.

– Это, – говорит, – неопишимо!

– Ну, раз неопишимо – выдать ему $n+1$ миллиардов.

Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характер. Уму непостижимо, что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой издохлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все разрешено», пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против Университета. Взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь, и, войдя в контакт с бывшим городничим, разметал какой-то забор, поставил вехи, чтобы было похоже на планировку, а насчет денег, отпущенных на электрификацию, написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина. Словом, произвел чудеса.

И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков – трильонщик. Учреждения начали рвать его к себе нарасхват в спец. Уже Чичиков снял за 5 миллиардов квартиру в пять комнат, уже Чичиков обедал и ужинал в «Ампире».

Но вдруг произошёл крах.

Погубил же Чичикова, как правильно предсказал Гоголь, Ноздрев, а прикончила Коробочка. Без всякого желания сделать ему пакость, а просто в пьяном виде, Ноздрев разболтал на бегах и про деревянные опилки, и о том, что Чичиков снял в аренду несуществующее предприятие, и все это заключил словами, что Чичиков жулик и что он бы его расстрелял.

Задумалась публика, и как искра побежала крылатая молва.

А тут еще дура Коробочка вперлась в учреждение расспрашивать, когда ей можно будет в Манеже булочную открыть. Тщетно уверяли ее, что Манеж казенное здание и что ни купить его, ни что-нибудь открывать в нем нельзя, — глупая баба ничего не понимала.

А слухи о Чичикове становились все хуже и хуже. Начали недоумевать, что такое за птица этот Чичиков и откуда он взялся. Появились сплетни, одна другой злоещее, одна другой чудовищней. Беспокойство вселилось в сердца. Зазвенели телефоны, начались совещания... Комиссия построения в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения в Жилотдел, Жилотдел в Наркомздрав, Наркомздрав в Главкустпром, Главкустпром в Наркомпрос, Наркомпрос в Пролеткульт и т. д.

Кинулись к Ноздреву. Это, конечно, было глупо. Все знали, что Ноздрев лгун, что Ноздреву нельзя верить ни в одном слове. Но Ноздрева призывали, и он ответил по всем пунктам.

Объявил, что Чичиков действительно взял в аренду несуществующее предприятие и что он, Ноздрев, не видит причины, почему бы не взять, ежели все берут? На вопрос: уж не белогвардейский ли шпион Чичиков, ответил, что шпион и что его недавно хотели даже расстрелять, но почему-то не расстреляли. На вопрос: не делатель ли Чичиков фальшивых бумажек, ответил, что делатель и даже рассказал анекдот о необыкновенной ловкости Чичикова: как, узнавши, что правительство хочет выпустить новые знаки, Чичиков снял квартиру в Марьиной роще и выпустил оттуда фальшивых знаков на 18 миллиардов и при этом на два дня раньше, чем вышли настоящие, а когда туда нагрянули и опечатали квартиру, Чичиков в одну ночь перемешал фальшивые знаки с настоящими, так что потом сам черт не мог разобраться, какие знаки фальшивые, а какие настоящие. На вопрос: точно ли Чичиков обменял свои миллиарды на бриллианты, чтобы бежать за границу, Ноздрев ответил, что это правда и что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, а если бы не он, ничего бы и не вышло.

После рассказов Ноздрева полнейшее уныние овладело всеми. Видят, никакой возможности узнать, что такое Чичиков, нет. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не нашелся среди всей компании один. Правда, Гоголя он тоже,

как и все, в руки не брал, но обладал маленькой дозой здравого смысла.

Он воскликнул:

– А знаете, кто такой Чичиков?

И когда все хором грянули:

– Кто?!

Он произнес гробовым голосом:

– Мошенник.

Тут только и осенило всех. Кинулись искать анкету. Нету. По входящему. Нету. В шкапу – нету. К регистраторше.

– Откуда я знаю? У Иван Григорьича.

К Ивану Григорьичу.

– Где?

– Не мое дело. Спросите у секретаря и т. д. и т. д.

И вдруг неожиданно в корзине для ненужных бумаг – она.

Стали читать и обомлели.

Имя? Павел. Отчество? Иванович. Фамилия? Чичиков.

Звание? Гоголевский персонаж. Чем занимался до революции? Скупкой мертвых душ. Отношение к воинской повинности? Ни то ни се, ни черт знает что. К какой партии принадлежит? Сочувствующий (а кому – неизвестно). Был ли под судом? Волнистый зигзаг. Адрес? Поворотя во двор, в третьем этаже направо, спросить в справочном бюро штаб-офицершу Подточину, а та знает.

Собственноручная подпись? Обмакни!!

Прочитали и окаменели.

Крикнули инструктора Бобчинского:

– Катись на Тверской бульвар в арендуемое им предприятие и во двор, где его товары, может, там что откроется!

Возвращается Бобчинский. Глаза круглые.

– Чрезвычайное происшествие!

– Ну!

– Никакого предприятия там нету. Это он адрес памятника Пушкину указал. И запасы не его, а «Ара».

Тут все взвыли:

– Святители угодники! Вот так гусь! А мы ему миллиарды!! Выходит, теперича ловить его надо!

И стали ловить.

Пальцем в кнопку ткнули:

– Кульера.

Отворилась дверь и предстал Петрушка. Он от Чичикова уже давно отошел и поступил курьером в учреждение.

– Берите немедленно этот пакет и немедленно отправляйтесь.

Петрушка сказал:

– Слушаю-с.

Немедленно взял пакет, немедленно отправился и немедленно его потерял.

Позвонили Селифану в гараж:

– Машину срочно.

– Чичас.

Селифан встрепенулся, закрыл мотор теплыми штанами, натянул на себя куртку, вскочил на сиденье, засвистел, загудел и полетел.

Какой же русский не любит быстрой езды?!

Любил ее и Селифан, и поэтому при самом въезде на Лубянку пришлось ему выбирать между трамваем и зеркальным окном магазина. Селифан в течение одной терции времени выбрал второе, от трамвая увернулся и, как вихрь, с воплем: «спасите!» въехал в магазин через окно.

Тут даже у Тентетникова, который заведовал всеми Сели-

фанами и Петрушками, лопнуло терпение:

– Уволить обоих к свиньям!

Уволили. Послали на биржу труда. Оттуда командировали: на место Петрушки – Плюшкинского Прошку, на место Селифана – Григория Доезжай-не-доедешь. А дело тем временем кипело дальше!

– Авансовую ведомость!

– Извольте.

– Попросить сюда Неуважая-Корыто.

Оказалось, попросить невозможно. Неуважая месяца два тому назад вычистили из партии, а уже из Москвы он и сам вычистился сейчас же после этого, так как делать ему в ней было больше решительно нечего.

– Кувшинное Рыло!

Уехал куда-то на куличку инструктировать Губотдел.

Принялись тогда за Елизавета Воробья. Нет такого! Есть, правда, машинистка Елизавета, но не Воробей. Есть помощник заместителя младшего делопроизводителя замзавподотдела Воробей, но он не Елизавета!

Прицепились к машинистке:

– Вы?!

– Ничего подобного! Почему это я? Здесь Елизавета с твердым знаком, а разве я с твердым? Совсем наоборот...

И в слезы. Оставили в покое.

А тем временем, пока возились с Воробьем, правозаступник Самосвистов дал знать Чичикову стороной, что по делу

началась возня, и, понятное дело, Чичикова и след простыл.

И напрасно гоняли машину по адресу: поворота направо, никакого, конечно, справочного бюро не оказалось, а была там заброшенная и разрушенная столовая общественного питания. И вышла к приехавшим уборщица Фетинья и сказала, что никого нетути.

Рядом, правда, поворота налево, нашли справочное бюро, но сидела там не штаб-офицерша, а какая-то Подстега Сидоровна и, само собой разумеется, не знала не только Чичиковского адреса, но даже и своего собственного.

Тогда напало на всех отчаяние. Дело запуталось до того, что и черт бы в нем никакого вкуса не отыскал. Несуществующая аренда перемешалась с опилками, брабантские кружева с электрификацией, Коробочкина покупка с бриллиантами. Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий Ротозей Емельян, и беспартийный Вор Антошка, открылась какая-то панама с пайками Собакевича. И пошла писать губерния!

Самосвистов работал не покладая рук и впутал в общую кашу и путешествия по сундукам, и дело о подложных счетах за разъезды (по одному ему оказалось замешано до 50 000 лиц), и проч., и проч. Словом, началось черт знает что. И те, у кого миллиарды из-под носа выписали, и те, кто их должен был отыскать, метались в ужасе, и перед глазами был только один непреложный факт: миллиарды были и исчезли.

Наконец, встал какой-то Дядя Митяй и сказал:

– Вот что, братцы... Видно, не миновать нам следственную комиссию назначить.

И вот тут (чего во сне не увидишь!) вынырнул, как некий бог на машине, я и сказал:

– Поручите мне.

Изумились:

– А вы... того... сумеете?

А я:

– Будьте покойны.

Поколебались. Потом красным чернилом: «Поручить».

Тут я и начал (в жизнь не видел приятнее сна!).

Полетели со всех сторон ко мне 35 тысяч мотоциклистов:

– Не угодно ли чего?

А я им:

– Ничего не угодно. Не отрывайтесь от ваших дел. Я сам справлюсь. Единолично.

Набрал воздуха и гаркнул так, что дрогнули стекла:

– Подать мне сюда Ляпкина-Тяпкина! Срочно! По телефону подать!

– Так что подать невозможно... Телефон сломался.

– А-а! Сломался! Провод оборвался? Так чтоб он даром не мотался, повесить на нем того, кто докладывает!!

Батюшки! Что тут началось!

– Помилуйте-с... что вы-с... Сию... хе-хе... минутку... Эй! Мастеров! Проволоки! Сейчас починят.

В два счета починили и подали.

И я рванул дальше:

– Тяпкин? М-мерзавец! Ляпкин? Взять его, прохвоста!
Подать мне списки! Что? Не готовы? Приготовить в пять минут, или вы сами очутитесь в списках покойников! Э-это кто?! Жена Манилова – регистраторша? В шею! Улинька Бетрищева – машинистка? В шею! Собакевич? Взять его! У вас служит негодяй Мурзофейкин? Шулер Утешительный? Взять!! И того, что их назначил, – тоже! Схватить его! И его! И этого! И того! Фетинью вон! Поэта Тряпичкина, Селифана и Петрушку в учетное отделение! Ноздрева в подвал... В минуту! В секунду!! Кто подписал ведомость? Подать его, каналю!! Со дна моря достать!!

Гром пошел по пеклу...

– Вот черт налетел! И откуда такого достали?!

А я:

– Чичикова мне сюда!!

– Н... н... невозможно сыскать. Они скрымшись...

– Ах, скрымшись? Чудесно! Так вы сядете на его место.

– Помил...

– Молчать!!

– Сию минуточку... Сию... Повремените секундочку.

Ищут-с.

И через два мгновения нашли!

И напрасно Чичиков валялся у меня в ногах и рвал на себе волосы и френч и уверял, что у него нетрудоспособная мать.

– Мать?! – гремел я, – мать?.. Где миллиарды? Где народные деньги?! Вор!!! Взрезать его мерзавца! У него бриллианты в животе!

Вскрыли его. Тут они.

– Все?

– Все-с.

– Камень на шею и в прорубь!

И стало тихо и чисто.

И я по телефону:

– Чисто.

А мне в ответ:

– Спасибо. Просите, чего хотите.

Так я и взметнулся около телефона. И чуть было не выложил в трубку все смутные предположения, которые давно уже терзали меня: «Брюки... фунт сахара... лампу в 25 свечей...»

Но вдруг вспомнил, что порядочный литератор должен быть бескорыстен, увял и пробормотал в трубку:

– Ничего, кроме сочинений Гоголя в переплете, каковые сочинения мной недавно проданы на толчке.

И... бац! У меня на столе золотообрезный Гоголь!

Обрадовался я Николаю Васильевичу, который не раз утешал меня в хмурые бессонные ночи, до того, что рывкнул:

– Ура!

И...

Эпилог

...конечно, проснулся. И ничего: ни Чичикова, ни Ноздрева и, главное, ни Гоголя...

– Э-хе-хе, – подумал я себе и стал одеваться, и вновь пошла передо мной по-будничному щеголять жизнь.

1922

Чаша жизни

Веселый московский рассказ

с печальным концом

Истинно, как перед Богом, скажу вам, гражданин, пропадаю через проклятого Пал Васильича... Соблазнил меня чашей жизни, а сам предал, подлец!..

Так дело было. Сижу я, знаете ли, тихо-мирно дома и калькуляцией занимаюсь. Ну, конечно, это только так говорится, калькуляцией, а на самом деле жалованья – 210. Пятьдесят в кармане. Ну и считаешь: 10 дней до первого. Это сколько же? Выходит – пятерка в день. Правильно. Можно дотянуть? Можно, ежели с калькуляцией. Превосходно. И вот открывается дверь и входит Пал Васильич. Я вам доложу: доха на нем – не доха, шапка – не шапка! Вот сволочь, думаю! Лицо красное, и слышу я – портвейном от него пахнет. И ползет за ним какой-то, тоже одет хорошо.

Пал Васильич сейчас же знакомит:

– Познакомьтесь, – говорит, – наш, тоже трестовый.

И как шваркнет шапку эту об стол и кричит:

– Переутомился я, друзья! Заела меня работа! Хочу я отдохнуть, провести вечер в вашем кругу! Молю я, друзья, давайте будем пить чашу жизни! Едем! Едем!

Ну, деньги у меня какие? Я ж докладываю: пятьдесят. А

человек я деликатный, на дурничку не привык. А на пятьдесят-то что сделаешь? Да и последние!

Я и отвечаю:

– Денег у меня...

Он как глянет на меня.

– Свинья ты, – кричит, – обижаешь друга?!

Ну, думаю, раз так... И пошли мы.

И только вышли, начались у нас чудеса! Дворник тротуар скребет. А Пал Васильич подлетел к нему, хватъ у него скребок из рук и начал сам скрести.

При этом кричит:

– Я интеллигентный пролетарий! Не гнушаюсь работой!

И прохожему товарищу по калоше – чик! И разрезал ее. Дворник к Пал Васильичу и скребок у него из рук выхватил. А Пал Васильич как заорет:

– Товарищи! Караул! Меня, ответственного работника, избивают!

Конечно, скандал. Публика собралась. Вижу я – дело плохо. Подхватили мы с трестовым его под руки – и в первую дверь. Ан на двери написано: «...и подача вин». Товарищ за нами, калоша в руках.

– Позвольте деньги за калошу.

И что ж вы думаете? Расстегнул Пал Васильич бумажник, и как заглянул я в него – ужаснулся! Одни сотенные. Пачка пальца в четыре толщиной. Боже ты мой, думаю. А Пал Васильич отслюнил две бумажки и презрительно товарищу:

– П-палучите, т-товарищ.

И при этом в нос засмеялся, как актер:

– А-ха-ха.

Тот, конечно, смылся. Калошам-то красная цена сегодня была полтинник. Ну, завтра, думаю, за шестьдесят купит.

Прекрасно. Уселись мы и пошли. Портвейн московский, знаете? Человек от него не пьянеет, а так, лишается всякого понятия. Помню, раков мы ели и неожиданно оказались на Страстной площади. И на Страстной площади Пал Васильич какую-то даму обнял и троекратно поцеловал: в правую щеку, в левую и опять в правую. Помню, хохотали мы, а дама так и осталась в оцепенении. Пушкин стоит, на даму смотрит, а дама на Пушкина.

И тут же налетели с букетами, и Пал Васильич купил букет и растоптал его ногами.

И слышу голос сдавленный из горла:

– Я вас? К-катаю?

Сели мы. Оборачивается к нам и спрашивает:

– Куда, ваше сиятельство, прикажете?

Это Пал Васильич! Сиятельство! Вот сволочь, думаю!

А Пал Васильич доху распахнул и отвечает:

– Куда хочешь.

Тот в момент рулем крутанул, и полетели мы как вихрь. И через пять минут – стоп на Неглинном. И тут этот рожком три раза хрюкнул, как свинья:

– Хрр... Хрю... Хрю...

И что же вы думаете! На это самое «хрю» – лакеи! Выскочили из двери и под руки нас. И метрдотель, как какой-нибудь граф:

– Сто-лик.

Скрипки:

Под знойным небом Аргентины...

И какой-то человек в шапке и в пальто, и вся половина в снегу, между столиками танцует. Тут стал уже Пал Васильич не красный, а какой-то пятнистый и грянул:

– Долой портвейны эти! Желаю пить шампанское!

Лакеи врассыпную кинулись, а метрдотель наклонил подбор:

– Могу рекомендовать марку...

И залетали вокруг нас пробки, как бабочки.

Пал Васильич меня обнял и кричит:

– Люблю тебя! Довольно тебе киснуть в твоём Центросоюзе. Устраиваю тебя к нам в трест. У нас теперь сокращение штатов, стало быть, вакансии есть. А я в тресте и царь и бог!

А трестовый его приятель гаркнул: «Верно!» – и от восторга бокал об пол и вдребезги.

Что тут с Пал Васильичем сделалось!

– Что, – кричит, – ширину души желаешь показать? Бокальчик разбил и счастлив? А-ха-ха. Гляди!!

И с этими словами вазу на ножке об пол – раз! А тресто-

вый приятель – бокал! А Пал Васильич – судок! А трестовый – бокал!

Очнулся я, только когда нам счет подали. И тут глянул я сквозь туман – один миллиард девятьсот двенадцать миллионов. Да-с.

Помню я, слюнил Пал Васильич бумажки и вдруг вытаскивает пять сотенных и мне:

– Друг! Бери займы! Прозябаешь ты в своем Центросоюзе! Бери пятьсот! Поступишь к нам в трест и сам будешь иметь!

Не выдержал я, гражданин. И взял я у этого подлеца пятьсот. Судите сами: ведь все равно пропьет, каналья. Деньги у них в трестах легкие. И вот, верите ли, как взял я эти проклятые пятьсот, так вдруг и сжало мне что-то сердце. И обернулся я машинально и вижу сквозь пелену – сидит в углу какой-то человек и стоит перед ним бутылка сельтерской. И смотрит он в потолок, а мне, знаете ли, почудилось, что смотрит он на меня. Словно, знаете ли, невидимые глаза у него – вторая пара на щеке.

И так мне стало как-то вдруг тошно, выразить вам не могу!

– Гоп, ца, дрица, гоп, ца, ца!!

И как боком к двери. А лакеи впереди понеслись и салфетками машут!

И тут пахнуло воздухом мне в лицо. Помню еще, захрюкал опять шофер и будто ехал я стоя. А куда – неизвестно.

Начисто память отшибло...

И просыпаюсь я дома! Половина третьего.

И голова – боже ты мой! – поднять не могу! Кой-как припомнил, что это было вчера, и первым долгом за карман – хватать. Тут они – пятьсот! Ну, думаю – здорово! И хоть голова у меня разваливается, лежу и мечтаю, как это я в тресте буду служить. Отлежался, чаю выпил, и полегчало немного в голове. И рано я вечером заснул.

И вот ночью звонок...

А, думаю, это, вероятно, тетка ко мне из Саратова.

И через дверь, босиком, спрашиваю:

– Тетя, вы?

И из-за двери голос незнакомый:

– Да. Откройте.

Открыл я и оцепенел...

– Позвольте... – говорю, а голоса нету, – узнать, за что же?..

Ах, подлец!! Что ж оказывается? На допросе у следователя Пал Васильич (его еще утром взяли) и показал:

– А пятьсот из них я передал гражданину такому-то. – Это мне, стало быть!

Хотел было я крикнуть: ничего подобного!!

И, знаете ли, глянул этому, который с портфелем, в глаза... И вспомнил! Батюшки, сельтерская! Он! Глаза-то, что на щеке были, у него во лбу!

Замер я... не помню уж как, вынул пятьсот... Тот хлад-

нокровно другому:

– Приобщите к делу.

И мне:

– Потрудитесь одеться.

Боже мой! Боже мой! И уж как подъезжали мы, вижу я сквозь слезы, лампочка горит над надписью «Комендатура». Тут и осмелился я спросить:

– Что ж такое он, подлец, сделал, что я должен из-за него свободы лишиться?..

А этот сквозь зубы и насмешливо:

– О, пустяки. Да и не касается это вас.

А что не касается! Потом узнаю: его чуть ли не по семи статьям... тут и дача взятки, и взятие, и небрежное хранение, а самое-то главное – растрата! Вот оно какие пустяки, оказывается! Это он, негодяй, стало быть, последний вечер доживал тогда – чашу жизни пил! Ну-с, коротко говоря, выпустили меня через две недели. Кинулся я к себе в отдел. И чувствовало мое сердце: сидит за моим столом какой-то новый во френче, с пробором.

– Сокращение штатов. И кроме того, что было... Даже странно...

И задом повернулся и к телефону.

Помертвел я... получил ликвидационные... за две недели вперед – 105 и вышел.

И вот с тех пор без перерыва хожу... и хожу. И ежели еще неделька так, думаю, то я на себя руки наложу!..

Самоцветный быт

Из моей коллекции

Все правда, за исключением последнего: «прогрессивный аппетит».

1. В волнах азарта

Знакомый журналист сообщил мне содержание следующего документа:

Гражданину директору казино Капельмейстера 3.

Заявление

Имею честь заявить, что в Вашем уважаемом «Монако» я проиграл: бесценные мои наследственные золотые часы, пять тысяч рублей дензнаками 23 г. и 16 инструментов вверенного мне духового оркестра, каковой вследствие этого закрылся 5 числа.

Ввиду того, что я нахожусь теперь в ожидании пролетарского суда за несдачу казенного обмундирования, вызывшегося в гимнастерке, штанах и поясе, прошу для облегчения моей участи выдать мне хотя бы три тысячи.

На заявлении почерком ошеломленного человека написано: «Выдать».

2. Средство от застенчивости

Лично я получил такую заметку, направленную из глухой провинции в редакцию столичной газеты:

«Товарищ редактор,

пропустите, пожалуйста, мою статью или, проще выразиться, заметку с пригвождением к черной доске нашего мастера Якова (отчество и фамилия). Означенный Яков (отчество и фамилия) омрачил наш международный праздник работницы 8 марта, появившись на эстраде в качестве содокладчика как зюзя пьяный. По своему состоянию он, не читая содоклада, а держась руками за лозунги и оборвав два из них, лишь улыбался бесчисленной аудитории наших работниц, которая дружно, как один, заполнила клуб.

Когда заведующий культотделом спросил у Якова о причине его такого позорного выступления, он ответил, что выпил перед содокладом от страха, ввиду того, что он с женским полом застенчив. Позор Якову (отчество и фамилия). Таких застенчивых в нашем профессиональном союзе не нужно».

3. Сколько Брокгауза может вынести организм

В провинциальном городишке В. лентяй библиотекарь с лентяями из местного культотдела плюнули на работу, пере-

став заботиться о сколько-нибудь осмысленном снабжении рабочих книгами.

Один молодой рабочий, упорный человек, мечтающий об университете, отравлял библиотекаря существование, спрашивая у него советов о том, что ему читать. Библиотечная крыса, чтобы отвязаться, заявила, что сведения «обо всем решительно» имеются в словаре Брокгауза.

Тогда рабочий начал читать Брокгауза. С первой буквы – А.

Чудовищно было то, что он дошел до пятой книги (Банки – Бергер).

Правда, уже со второго тома слесарь стал плохо есть, как-то осунулся и сделался рассеянным. Он со вздохом, меняя прочитанную книгу на новую, спрашивал у культотдельской грымзы, засевшей в пыльных книжных баррикадах, «много ли осталось?» В пятой книге с ним стали происходить странные вещи. Так, среди бела дня он увидал на улице В. у входа в мастерские Бана Абуль Абас-Ахмет-Ибн-Магомет-Отман-Ибн-Аль, знаменитого арабского математика в белой чалме.

Слесарь был молчалив в день появления араба, написавшего «Тальме-Амаль-Аль-Хисоп», догадался, что нужно сделать антракт, и до вечера не читал. Это, однако, не спасло его от 2-х визитов в молчании бессонной ночи – сперва развитого синдика вольного ганзейского города Эдуарда Банка, а затем правителя канцелярии малороссийского губерна-

тора Димитрия Николаевича Бантыш-Каменского.

День болела голова. Не читал. Но через день двинулся дальше. И все-таки прошел через Банювангис, Бньюмас, Боньер-де-Бигир и через два Боньякавало, человека и город.

Крах произошел на самом простом слове «Барановские». Их было 9: Владимир, Войцех, Игнатий, Степан, 2 Яна, а затем Мечислав, Болеслав и Богуслав.

Что-то сломалось в голове у несчастной жертвы библио-текаря.

– Читаю, читаю, – рассказывал слесарь корреспонденту, – слова легкие: Мечислав, Богуслав, и, хоть убей, не помню – какой кто. Закрою книгу – все вылетело! Помню одно: Мадриан. Какой, думаю, Мадриан? Нет там никакого Мадриана. На левой стороне есть два Баранецких. Один господин Адриан, другой Мариан. А у меня Мадриан.

У него на глазах были слезы.

Корреспондент вырвал у него словарь, прекратив пытку. Посоветовал забыть все, что прочитал, и написал о библио-текаре фельетон, в котором, не выходя из пределов той же пятой книги, обругал его безголовым моллюском и барсучьей шкурой.

4. Иностранное слово «мотивировать»

На Н... заводе в провинции нэпман совместно с администрацией отвоевали у рабочего квартиру, зажав его с семьей

в сыром и вонючем подвале.

Бедняга долго барахтался в сетях юридических кляуз, пока наконец не пришел в отчаяние и не написал в московскую газету послание, предлагая «заплатить последнее», лишь бы его напечатать.

Газета письмо напечатала. Через две недели пришло второе: «Не знаю, как Вас и благодарить. Дали квартиру. Только администрация мотивировала меня разными словами в оправдание своих доводов, как кляузника».

5. «Работа среди женщин»

Ответственный работник из центра, прямо с поезда со-
рвавшись, обрушился в провинциальное учреждение типа
просветительного.

– Как, товарищ, у вас работа среди женщин? – скорого-
воркой грянул столичный, типа – Time is money¹.

– Ничего, – добродушно ответил ему провинциальный,
безответственный, беспартийный, дыхнув самогонкой, – у
нас насчет этого хорошо. Я с третьей бабой живу.

6. Р.У.Р.

«Мы вам не Рур», – было написано на плакате.

---

¹ Время – деньги (англ.).

– Российское Управление Романовых, – прочитала моя знакомая дама и прибавила: – Это остроумно. Хотя, вообще говоря, я не люблю большевистского остроумия.

7. Курская аномалия

– А много ее действительно, – спросил квартхоз, возвращая мне газету, – или так, очки втирают? Ежели много, можно было бы англичанам продать...

– Вот именно, – согласился я, – пускай подавятся!

8. Прогрессивный аппетит

Подоходный налог. Одного обложили в 10 миллиардов. Срок 10-го числа в 4 час. дня. Он 9-го утром принес деньги и не протестовал и не подавал заявлений. Молча уплатил.

– Мы его мало обложили, – смекнул инспектор и обложил дополнительно в 100 миллиардов. Срок 15-го, 4 час. дня.

14-го в 10 ч. утра принес.

– Эге-ге! – сказал инспектор.

Обложили в триллион. 20-го, 4 час. дня.

20-го в 4 час. дня обложенный привез на ломовике печатный станок.

– Печатайте сами, – сказал он растерянно.

Анекдот сочинен московскими нэпманами, изъязвленны-

МИ НАЛОГОМ.

1923

День нашей жизни

– А вот угле-ей... углеееееей!..

– Вот чертова глотка.

– ...глей... глей!!

– Который час?

– Половина девятого, чтоб ему издохнуть.

– Это значит, я с шести не сплю. Они навеки в отдушине поселились. Как шесть часов, отец семейства летит и орет как сумасшедший, а потом дети. Знаешь, что я придумала? Ты в них камнем швырни. Прицелься хорошенько, и попадешь.

– Ну да. Прямо в студию, а потом за стекло два месяца служить.

– Да, пожалуй. Дрянные птицы. И почему в Москве такая масса ворон... Вон за границей голуби... В Италии...

– Голуби тоже сволочь порядочная. Ах, черт возьми! Погляди-ка...

– Боже мой! Не понимаю, как ты ухитряешься рвать?

– Да помилуй! При чем здесь я? Ведь он сверху донизу лопнул. Вот тебе твой ГУМ универсальный!

– Он такой же мой, как и твой. Сто миллионов носки на один день. Лучше бы я ромовой бабки купила. На зеленые.

– Ничего, я булавочкой заколю. Вот и незаметно. Осторожнее, ради бога!..

– Ты знаешь, Сема говорит, что это не примус, а оптамус.

– Ну и что?

– Говорит, обязательно взорвет. Потому, что он шведский.

– Чепуху какую-то твой Сема говорит.

– Нет, не чепуху. Вчера в шестнадцатой квартире у комсомолки вся юбка обгорела. Бабы говорят, что это ее бог наказал за то, что она в комсомол записалась.

– Бабы, конечно... они понимают...

– Нет, ты не смейся. Представь себе, только что она записалась, как – трах! – украли у нее новенькие лаковые туфли. Комсомолкина мамаша побежала к гадалке. Гадалка пошептала, пошептала и говорит: взяла их, говорит, женщина, небольшого росту, замужняя, на щеке у ей родинка...

– Постой, постой...

– Вот то-то ж. Ты слушай. То-то я удивляюсь, как ни прохожу, все комсомолкина мамаша на мою щеку смотрит. Наконец потеряла я терпение и спрашиваю: что это вы на меня смотрите, товарищ? А она отвечает: так-с, ничего. Проходите, куда шли. Только довольно нам это странно. Образованная дама, а между тем родинка. Я засмеялась и говорю: ничего не понимаю! А она: ничего-с, ничего-с, проходите. Видали мы блондинок!

– Ах, дрянь!

– Да ты не сердись. Прилетает комсомолка и говорит мамаше: дура ты, у ей муж по 12-му разряду, друг Воздушного

Флота, захочет, так он ее туфлями обсыпет всю. Видала чулки телесного цвета? И надоели вы мне, говорит, мамаша, с вашими гадалками и иконами! И собиралась иконы вынести. Я, говорит, их на Воздушный Флот пожертвую. Что тут с мамашей сделалось! Выскочила она и закатила скандал на весь двор. Я, кричит, не посмотрю, что она комсомолка, а прокляну ее до седьмого колена! А тебе, орет, желаю, чтоб ты со своего Воздушного Флота мордой об землю брякнулась!

Баб слетелось видимо-невидимо, и выходит наконец комендант и говорит: вы немного полегче, Анна Тимофеевна, а то за такие слова, знаете ли... Что касается вашей дочери, то она заслуживает полного уважения со стороны всего пролетариата нашего номера за борьбу с капиталом Маркса при помощи Воздушного Флота. А вы, Анна Тимофеевна, извините меня, но вы скандалистка, вам надо валерьянкины капли пить! А та как взбеленилась – и коменданту: пей сам, если тебе самогонка надоела!

Ну тут уж комендант рассвирепел: я, говорит, тебя, паршивая баба, в 24 часа выселю из дома, так что ты у меня, как на аэроплане, вылетишь к свиньям! И ногами начал топать. Топал, топал, и вдруг прибегает Манька и кричит: Анна Тимофеевна, туфли нашлись!

Оказывается, никакая не блондинка, а это Сысоич, мамашин любовник, снес их самогонщице, а Манька...

– Да! Да! Войдите! В чем дело, товарищ?

– Деньги за энергию пожалуйста, 35 лимонов.

– Однако! Пять, десять...

– Это что. В следующем месяце 100 будет. Могэс по банкноту берет. Банкнот в гору. И коммунальная энергия за ним. До свиданьи-ус. Виноват-с. Вы к духовному сословию не принадлежите?

– Помилуйте! Кажется, видите... брюки...

– Хе-хе. Это я для порядку. Контора запрашивает для списков. Так я против вас напишу – трудящий элемент.

– Вот именно. Честь имею...

– Отцвели уж давно-о-о хризантемы в саду-у!

– Точить ножжжи-ножницы!..

– Но любовь все живет в моем сердце больном!

– Брось ты ему пять лимонов, чтоб он заткнулся.

– А за ним шарманка ползет...

– Ну, я полетел... Опаздываю... Приду в пять или в восемь!..

– Молочка не потребуется?.. Дорогие братцы, сестрички, подайте калеке убогому... Клубника. Нобель замечательная... Булочки – свежие французские... Папиросы «Красная звезда». Спички... Обратите внимание, граждане, на убожество мое!

– Извозчик! Свободен?

– Пожалте... Полтора рублика! Ваше сиятельство! Рублик! Господин!! Я катал!! Семь гривен! Я даю! На резвой, ваше высокоблагородие! Куда ехать? Полтинник!

– Четвертак.

– Три гривенничка... Эх, ваше сиятельство, овес.

– Ты куда? Я т-тебе угол срежу!

– Вот оно, ваше превосходительство, житье извозчичье.

– Эх, держи его! Так его. Не сигай на ходу!

– Вор?

– Никак нет. В трамвай на скаку сиганул. На 50 лимонов штрафуют.

– Здесь. Стой! Здравствуйте, Алексей Алексеич.

– Праскухин-то... Слышали? 25 червонцев позавчера пристроил! Прислало отделение, а он расписался и, конечно, на беге. Вчера является к заведывающему пустой, как барабан. Тот ему говорит – даю вам шесть часов срока, пополните. Ну, конечно, откуда он пополнит. Разве что сам напечатает. Ловят его теперь.

– Помилуйте, я его только что в трамвае видел. Едет с какими-то свертками и бутылками...

– Ну так что ж. К жене на дачу поехал отдыхать. Да вы не беспокойтесь. И на даче словят. И месяца не пройдет, как поймают.

– Алло... Да, я... Не готово еще. Хорошо... На отношение ваше за № 21 580 об организации при губотделе фонда взаимопомощи сообщаю, что ввиду того, что губкасса... Машинок свободны?.. На заседании губпроса было обращено внимание цекпроса на то, запятая... написали?.. что изданное, перед «что» запятая, а не после «что», изданное Моно циркулярное распоряжение, направленное в Роно и Уоно и

Губоно... а также утвержденное губсоцвосом... Алло! Нет, повесьте трубку...

— А я тут к вам поэта направил из провинции.

— Ну и свинство с вашей стороны... Вы, товарищ? Позвольте посмотреть...

Но если даже люди
Меня затопчут в грязь,
Я воскликну, смеясь...

Видите ли, товарищ, стихи хорошие, но журнал чисто школьный, народное образование... Право, не могу вам посоветовать... журналов много... Попробуйте... Переутомился я, и денег нет... Сколько, вы говорите, за мной авансу? Уй-юй-юй! Ну, чтоб округлить, дайте еще пятьсот... Триста? Ну, хорошо. Я сейчас поеду по делу, так вы рукописи секретарю передайте... Извозчик! Гривенник!..

— Подайте, барин, сироткам...

— Стой! Здравствуйте, Семен Николаевич!

— В кассе денег ни копейки.

— Позвольте... Что ж вы так сразу... Я ведь еще и не закончился...

— Да ведь вы сегодня уже пятый. Капитан, за капитаном — Юрий Самойлович, за Юрием Самойловичем...

— Знаю, знаю... А патриарх-то? А?

— Капитан поехал его интервьюировать...

— Это интересно... Кстати, о патриархе, сколько за мной

авансу?.. Двести? Нет, триста... извозчик! Двугривенный... Стой! Нет, граждане, ей-богу, я только на минуту, по делу. И вечером у меня срочная работа... Ну, разве на минуту... Общее собрание у них... Ну, мы подождем и их захватим... Стой!..

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели!

Ого-го!.. А мы сейчас два столика сдвинем... Слушс... Раки получены... Необыкновенные раки... Граждане, как вы насчет раков? А?.. Полдюжины... И трехгорного полдюжины... Или, лучше, чтоб вам не ходить – сразу дюжину!.. Господа! Мы же условились... на минуту...

Иная на сердце забота!..

Позвольте... позвольте... что ж это он поет?..

В плену... полководец... в плену-у-у...

А! Это другое дело. Ваше здоровье. Братья писатели!.. Семь раз солянка по-московски!

И выйдет к тебе... полководец!
Из гроба твой ве-е-рный солдат!!

Что это он все про полководцев?.. Великая французская... Раки-то, раки! В первый раз вижу...

Bis! Bis!! Народу-то! Позвольте... что ж это такое? Да ведь это Праскухин! Где?! Вон, в углу. С дамой сидит! Чудеса!.. Ну, значит, еще не поймали!.. Гражданин! Еще полдюжинки!

Вни-и-из по ма-а-а-тушке по Во-о-о-лге!..

Эх, гармония хороша! Еду на Волгу! Переутомился я! Билет бесплатный раздобуду, и только меня и видели, потому я устал!

По широкому-у раздолью!..

Батюшки! Выводят кого-то!

– Я не посмотрю, что ты герой труда!!! А... а!!

– Граждане, попрошу неприличными словами не выражаться...

– Граждане, а что, если нам красного «Напареули»? А?.. Поехали! На минуту... Сюда! Стоп! Шашлык семь раз...

Был душой велик! Умер он от ран!!

...Да на трамвае же!.. Да на полчаса!.. Плюньте, завтра напишете!..

– Захватывающее зрелище! Борьба чемпиона мира с жи-

вым медведем... Bis!!.. Что за черт! Что он, неуловимый, что ли?! Вон он! В ложе сидит!.. Батюшки, половина первого! Извозчик! Извозчик!..

– Три рублика!..

– Очень хорошо. Очень.

– Миленькая! Клянусь, общее собрание. Понимаешь. Общее собрание, и никаких. Не мог!

– Я вижу, ты и сейчас не можешь на ногах стоять!

– Деточка. Ей-богу. Что, бишь, я хотел сказать? Да. Проскухин-то, а?.. Понимаешь? Двадцать пять червонцев, и, понимаешь, в ложе сидит... Да бухгалтер же... Брюнет...

– Ложись ты лучше. Завтра поговорим.

– Это верно... Что, бишь, я хотел сделать? Да, лечь... Это правильно. Я ложусь... но только умоляю разбудить меня, разбудить меня непременно, чтоб меня черт взял, в десять минут пятого... нет, пять десятого... Я начинаю новую жизнь... Завтра...

– Слышали. Спи.

Беспокойная поездка

Монолог начальства

(не сказка, а быль)

Посвящается ЦЖЗ

Мальбрук в поход собрался!..

Песня

– Ну-с, происходило это, стало быть, таким образом! Напившись чаю, выехал я со своими сотрудниками, согласно маршруту, вечером со станции Новороссийск. Перед самым отъездом приходит какой-то и говорит:

– Вот, – говорит, – история: круг у нас поворотный ремонтируется. Ума не приложу, как нам вас повернуть?

Задумались мы. Наконец я и говорю: пускай нас в таком случае в Тихорецкой повернут. Ладно. В Тихорецкой так в Тихорецкой. Сели, засвистали, поехали. Нуте-с, приезжаем в Тихорецкую. Вовремя, представьте себе. Смотрю на часы – удивляюсь: минута в минуту! Вот, говорю, здорово. И, конечно, сглазил. Словно сатана у них на поворотный круг уселся. Вертели, вертели, часа полтора, может быть, вертели. Чувствую, что у меня головокружение начинается.

– Скоро ли?.. – кричу.

– Сей минут, – отвечают.

Ну-с, повернули, стали поезд составлять. Я из окна смотрю: положительно, молодецкая работа – бегают, свистят, флажками машут. Молодцы, говорю, ребяташки на этой Тихорецкой – работяги! Ну и, конечно, сглазил. Перед самым отъездом является какой-то и говорит:

– Так что ехать невозможно...

– Как?! – кричу. – Почему?..

– Да, – говорит, – вагоны сейчас из состава выкидать будем. Неисправные они.

– Так выкидайте скорей! – кричу. – На какого лешего вы их запихнули?..

Ничего не ответил. Застенчиво усмехнулся и вышел. Начали опять свистеть, махать, бегать. Наконец выкинули больные вагоны. Опоздали мы таким методом на два часика с половиной.

Наконец тронулись. Слава тебе, господи, думаю, теперь покатым. Ну и сглазил, понятное дело!

Развил наш поезд такую скорость, что, представьте, потерял я пенсне из окна, так проводник соскочил, подобрал и рысью поезд догнал. Я кричу тогда: «Что вы, смеетесь, что ли? Как же я при такой скорости состояние пути и подвижного состава определяю?.. Развить, – говорю, – мне в 24 секунды скорость, предельную для товарных поездов на означенном участке!»

Ну-с, вообразите, наорал на них. Таким манером, и жиз-

ни был не рад! Развили они скорость, и что тут началось – уму непостижимо! Загремели, покатались, через пять минут слышу вопль: «Стой, стой!! Стой, чтоб тебя раздавило!» Вережку дергают, флагом машут. Я перепугался насмерть, ну, думаю, пропали! «В чем дело?» – кричу. «Так что, – отвечают, – буксы горят». Вышел я из себя. Кричу: «Что это за безобразие! На каком основании горят? Прекратить! Убрать! Отцепить!» Великолепно-с. На первой станции отцепили вагон. Сыпанули мы дальше.

Ну, думаете ли, трех шагов не проскакали, как опять гвалт. В двух вагонах загорелись буксы! Выкинули эти два, на следующем перегоне еще в двух загорелись. Через пять станций глянул я в окно – и ужаснулся: выехал я – был поезд длинный, как парижский меридиан, а теперь стал короткий, как пороссячий хвост. Святители угодники, думаю, ведь этак еще верст сорок – и я весь поезд растеряю. А вдруг, думаю, и в моем вагоне загорится, ведь они и меня отцепят к лешему на какой-нибудь станции! А меня в Ростове ждут. Призываю кого следует и говорю: «Вы вот что, того... полегче. Ну вас в болото с вашей предельной скоростью. Поезжайте, как порядочные люди ездят, а не вылупив глаза».

Отлично-с, поехали мы, и направляюсь я к смотровому окну, чтобы на путь поглядеть, – и как вы думаете, что я вижу? Сидят перед самыми глазами у меня на буферах два каких-то кандибобера. Я высовываюсь из окна и спрашиваю: – Эт-то что такое?.. Что вы тут делаете?

А они, представьте, отвечают, да дерзко так:

– То же, что и ты. В Ростов едем.

– Как? – кричу. – На буферах?.. Дак вы, выходит, зайцы?!

– Понятное дело, – отвечают, – не тигры.

– Как, – кричу, – зайцы?.. На буферах?.. У меня?! В служебном?.. Вагоне?!.. Вылетайте отсюда, как пробки!!

– Да, – отвечают, – вылетайте! Сам вылетай, если тебе жизнь надоела. Тут на ходу вылетишь, руки-ноги поломаешь!

Что тут делать. А?.. Кричу: «Дать сигнал! А-с-становить поезд!.. Снять зайцев!»

Не тут-то было. Сигнала-то, оказывается, нету. Никакой непосредственной связи с паровозом.

Стали мы в окна кричать машинисту:

– Эй! Милый человек! Э-эй! Как тебя? Будь друг, тормозни немножечко!

Не тут-то было. Не слышит!

Что прикажете делать? А эти сидят на буферах, хихикают.

– Что, – говорят, – сняли? Выкуси!

Понимаете, какое нахальство? Мало того что нарушение правил, но, главное, не видно ни черта в смотровые окна. Торчат две какие-то улыбающиеся рожи и заслоняют весь пейзаж. Вижу я, ничего с ними не поделаешь, пустился в переговоры.

– Вот что, – говорю, – нате вам по пятьдесят целковых, чтоб вы только слезли.

Не согласились. Давай, говорят, по пятьсот! Что ты прикажешь делать?

И вот, представьте, как раз, на мое счастье – подъем. Поезд, понятное дело, стал. Не берет. Ну, уж тут я обрадовался. Кричу, берите их, рабов Божьих! Пущай им покажут кузькину мать, как на буферах ездить! Ну, понятное дело, слетелись кондуктора, забрали их, посадили в вагон и повезли. Прекрасно-с. Только что я пристроился к окну, как поезд – стоп!

«Что еще?!» – кричу. Оказывается, опять из-за зайцев этих проклятых. Удержать их нет возможности! Рвутся из рук, и шабаш! Сделали мы тут военный совет и наконец решили отпустить их к свиньям. Так и сделали. Выпустили их в четырех верстах от станции. Они поблагодарили, говорят, спасибо, нам как раз до этой станции, а четыре версты мы пешком пройдем!

Поехали, через десять минут – стоп! Что?! Заяц! Ну, тут уж я не вытерпел – заплакал. «Что ж это, – говорю, – за несчастье такое? Доеду я когда-нибудь до Ростова или нет?!» Говорю, а у самого слезы ручьем так и льются. Я плачу, кондуктора ревут, и заяц не выдержал, заревел. И до того стало мне противно все это, что глаза б мои не смотрели! Махнул я рукой, задернул занавески и спать лег. В Ростов приехал, от нервного расстройства лечился. Вот оно, какие поездки бывают!

Тайны Мадридского двора

В комнате, освещенной керосиновой лампой, сидел конторщик 2-й восстановительной организации Угрюмый и говорил своему гостю, конторщику Петухову:

– Хорошо вам, чертям! Живете в Киеве. Там у вас древности всякие, святыни, монастыри, театры и кабаре... а в этом паршивом Полоцке ничего нет, кроме грязи и свиней. Правда, что у вас эти самые... купола обновляются?

– Врут, – басом ответил Петухов, – ходил я смотреть на сенной базар. Купол как купол. Это бабы выдумали.

– Плохо! – вздохнул Угрюмый. – Храмы разваливаются, а Бог и ухом не ведет... Вон Спасский монастырь... Совершенно рассыпался. Совзнаков нету на небе, вот главная беда.

Угрюмый вздохнул, поболтал ложечкой в мутном чае и продолжал:

– Кстати о совзнаках. Нету, нету, а то бывает – бац! – и свалятся они тебе на голову... У нас, например, изумительная история с этими знаками произошла. Сделали мы заявку на май на четыре миллиона двести одну тысячу с копейками из расчета на две тысячи семьсот рабочих, а центр возьми да и дай четыре миллиона семьсот тридцать тысяч на фактически бывшие 817 человек.

– Вре!! – крикнул Петухов.

– Вот тебе и «вре»! – ответил Угрюмый. – Чтоб я с этого

места не сошел!

– Так это, стало быть, остаток получается?

– А как же. Но тут, понимаешь ли, задача в том, чтобы денежки эти без остатка в расход запихнуть.

– Это как же? – изумился Петухов.

Угрюмый оглянулся, прислушался и таинственно зашептал:

– А на манер нашего начальника механических мастерских. У него, понимаешь ли, такой обычай – выпишет материалов на заказ в пять раз больше, чем нужно, и все в расход и загонит! Ему уже говорили: смотрите, как бы вам по шапке не попало. Ну да, говорит, по шапке... Руки коротки! У меня уважительная причина – кладовой нет. Способный парень!

– А не сядет? – восторженно спросил Петухов.

– Обязательно сядет. Вспомни мое слово. И сядет из-за мастерских. Не клеится у него с мастерскими, хоть ты плачь. Дрова вручную пилит, потому что приводная пила бездействует, а 30-сильный двигатель качает один вентилятор для четырех кузнечных горнов!

Петухов захохотал и подавился.

– Тише ты! – зашептал Угрюмый, – это что?.. А вот потеха была недавно с заклепками (Угрюмый хихикнул), – зачем, говорит, нам закупать заклепки, когда у нас своя мастерская есть? Я, говорит, на всю Россию заклепок наворочаю! Ну, и наворочал... 308 пудов. Красивые замечательно: кривые, с утолщением и пережатые. Сто двадцать восемь пудов

пришлось в переработку пустить, а остальные и до сих пор на складе стоят.

– Ну, дела! – ахнул Петухов.

– Это что! – оживился Угрюмый, – ты послушай, что у нас с отчетностью творится. У тебя волосы дыбом станут. Есть у нас в механической мастерской Эр-Ка-Ка и есть инструментальщик Белявский, – сипел Угрюмый, – он же и член Эр-Ка-Ка. Так он, представь себе, все заказы себе забрал. Сам расценивает, сам же исполняет и сам деньги получает.

Инженер Гейнеман в целях упрощения всяких формальностей по счетно-финансовой части завел такой порядок. Смотрю я однажды и вижу: счет № 91 на стрелочные работы, исполненные сделыщиком Кузнецовым Михаилом с товарищами на сумму 42 475 р. Выдал артельщик такой-то, получил Кузнецов. И больше ничего!

– Постой, – перебил Петухов, – а может, у него товарищей никаких не было.

– Вот то-то и есть.

– Да и как же это?

– Наивный ты парень, – вздохнул Угрюмый, – у него ж, у Гейнемана этого, весь штат в конторе состоит из родственников. Заведующий Гейнеман, производитель работ – зять его Марков, техник – его родная сестра Эмма Маркова, конторщица – его дочь родная Гейнеман, табельщик – племянник Гейнеман, машинистка – Шульман, племянница родной жены!

– Внуков у Гейнемана нету? – спросил ошеломленный Петухов.

– Внуков нету, к сожалению.

Петухов глотнул чаю и спросил:

– Позволь, друг, а куда ж Эр-Ка-И смотрит?

Угрюмый свистнул и зашептал:

– Чудак! Эр-Ка-И! У нас Эр-Ка-И – Якутович Тимофей. Славный парнишка, свой человек. Ему что ни дай – все подпишет.

– Добродушный? – спросил Петухов.

– Ни черта не добродушный, а болтают у нас (Угрюмый наклонился к растопыренному уху Петухова), будто получил он десять возов дров из материалов мостов Западной Двины, 4½ пуда муки и 43 аршина мануфактуры. Дай тебе мануфактуры, и ты будешь добродушный!

– Тайны Мадридского двора! – восхищенно воскликнул Петухов.

– Да уж это тайны, – согласился Угрюмый, – только, понимаешь ли, вышли у нас с этими тайнами уже явные неприятности. Приезжают в один прекрасный день два каких-то фрукта. Невзрачные по виду, брючишки обтрепанные, и говорят: «Позвольте ваши книги». Ну, дали мы. И началась тут потеха. По-нашему, если отчетность на год отстала – пустяки! А по-ихнему – преступление. По-нашему – кассовые книги заверять и шнуровать не надо, а по-ихнему – надо! По-нашему – нарезать болты вручную продуктивно, а по-их-

нему – нужно механически! Клепку мостовой фермы на мосту, по-нашему, нужно вручную производить, а по-ихнему – это преступно! Так и не столковались. Уехали, а у нас с тех пор никакого спокойствия нет. Не наделали б чего-нибудь эти самые визитеры? Вот и ходим кислые.

– М-да, это неприятности... – согласился Петухов.

Оба замолчали. Зеленый абажур окрашивал лица в зеленый цвет, и оба конторщика походили на таинственных гномов. Лампа зловеще гудела.

1923

Лестница в рай

С натуры

Лестница, ведущая в библиотеку ст. Москва-Белорусская (1-я Мещанская улица), совершенно обледенела. Тьма полная: рабочие падают и убиваются.
Рабкор

Рабочий Косин упал удачно. С громом приехал со второго этажа в первый, там повернулся на площадке головой вниз и выехал на улицу. Следом за ним приехала шапка, за шапкой – книжка «Война и мир», сочинение Л. Толстого. Книжка выехала горбом, переплет дыбом, и остановилась рядом с Косиным.

– Ну как? – спросили ожидавшие внизу своей очереди.

– Штаны порвал, – ответил глухо Косин, – хорошие штаны, жена набрала на Сухаревке, – и ощупал великолепный звездный разрыв на бедре.

Затем он поднял произведение Толстого, накрылся шапкой и, прихрамывая, ушел домой.

Вторым рискнул Балчугов.

– Я тебя осилю, я тебя одолею, – бормотал он, прижимая к груди собрание сочинений Гоголя в одном томе, – я, может, на Карпаты в 15-м году лазил и то ни слова не сказал. Ранен

два раза... За спиной мешок, в руках винтовка, на ногах сапоги, а тут с Гоголем, – с Гоголем да не осилить... Я «Азбуку коммунизма» желаю взять, я... чтоб тебя разорвало!.. (он терялся в кромешной тьме)... чтоб вам с вашей библиотекой ни дна ни крыши!..

Он сделал попытку ухватиться за невидимые перила, но те мгновенно ускользнули из рук. Затем ускользнул Гоголь и через мгновение был на улице.

– Ох! – пискнул Балчугов, чувствуя, что нечистая сила отрывает его от обледеневших ступенек и тащит куда-то в бездну.

– Спа... – начал он и не кончил.

Ледяной горб под ногами коварно спихнул Балчугова куда-то, где его встретил железный болт. Балчугов был неудачник, и болт пришелся ему прямо в зубы.

– ...Сп... – ахнул Балчугов, падая головой вниз.

– ...те!!.. – кончил он, уже сидя на снегу.

– Ты снегом... – посоветовали ожидающие, глядя, как Балчугов плюет красивой красной кровью.

– Не снегом, – ответил Балчугов шепеляво (щеку его раздувало на глазах), – а колом по голове этого шамого библиотекаря и правление клуба тоже... мордой бы... по этой лешнице...

Он пошарил руками по снегу и собрал разлетевшиеся листки «Тараса Бульбы». Затем поднялся, наплевал на снегу красным и ушел домой.

– Обменял книжку, – бубнил он, держась за щеку, – вот так обменял, шатается...

Тьма поглотила его.

– Полезем, что ль, Митя? – робко спросил ожидающий. – Газетку охота почитать.

– Ну их к свиньям собачьим, – ответил Митя, – живота решишься, а я женился недавно. У меня жена. Вдова останется. Идем домой!

Тьма съела и их.

1923

Серия ноль шесть № 0660243

Истинное происшествие

В 4 часа дня служащий Ежиков предстал перед кассиром и получил от него один свеженький хрустящий червонец, один червонец потрепанный с желтым пятном, шесть великолепных разноцветных дензнаков и сизую бумагу большого формата.

– Облигация-с, – ласково улыбнувшись, молвил кассир.

Ежиков презрительно покрутил носом на бумагу и спрята-
л ее в карман.

В канцелярии стоял сослуживец Ежикова – Петухов, известный математик, философ и болван.

Петухов взмахивал облигацией и говорил тесно облепив-
шим его служащим:

– По теории вероятности, главный выигрыш упадет на нечетный номер. Говорю это на основании изучения таблиц двух предыдущих тиражей. Поэтому я нарочно взял у кассира нечетный. Вот: оканчивается на 827.

Все служащие смотрели свои номера. Двое не выдержали и побежали к кассиру менять четные на нечетные.

Петухов говорил так веско, что загипнотизировал даже Ежикова. Ежиков вытащил облигацию и убедился, что ему не повезло. Серия 06 № 0660243.

«Всегда мне не прет», – подумал Ежиков и пошел к кассиру.

Кассир сказал, что больше облигаций нет.

– Позвольте, а серия? – спросил секретарь у Петухова.

– Серию можно будет предсказать не ранее пятого тиража, то есть в 1924 году, – ответил Петухов, – но приблизительно могу сказать, что это будет (он сделал карандашом какую-то выкладку на обороте своего удостоверения) или третья, или пятая, а вернее всего – наша шестая.

– Я тогда в Париж уеду, – сказала машинистка.

– Продам я ее сейчас, – сказал забулдыга исходящий.

– Не имеет смысла, – посоветовал кассир, – завтра тираж.

Лучше в банке заложите. А вдруг выиграете!

По улице Ежиков шел полный мыслей о золотом займе. Со всех стен глядели плакаты с надписью «Золотой заем» и притягивали взоры.

«...Возможность каждому выиграть огромную сумму в золоте, – машинально повторял Ежиков, – гм, каж-до-му. В сущности говоря, почему я не могу выиграть? Я такой же каждый, как и всякий. Вообразите себе, что младенец лезет в это самое колесо и вытаскивает 06. А после этого 0660. Уже хорошо.

Ну-с, а что вы скажете, если он после этого потянет случайно 243? Это, знаете ли, будет такая штука, такая штука... Совершенно неопиcуемая штука...»

30-го вечером Ежиков, купив «Вечернюю Москву», убе-

дился, что он еще ничего не выиграл. Младенец таскал какую-то чепуху, совершенно не похожую ни на 660, ни на 243.

2 января младенец снова оскрамлился.

3-го тоже. Самый близкий номер был 0660280.

4-го Ежиков узнал из «Известий», что происходит розыгрыш главных выигрышей, хотел поехать в Новый театр, но вместо этого заснул у себя на диване.

Проснулся Ежиков от стука в дверь. На приглашение: «Войдите» вошел неизвестный бойкий человек с огромным листом в руках.

Взглянув на всклокоченного Ежикова, человек всплеснул руками и воскликнул:

– Как вам это нравится! А? Он спит на диване, как какой-нибудь невинный младенец, в то время как ему надо плясать самый настоящий фокстрот! Позвольте представиться: комиссионер Илья Семенович.

– Чем же я могу вам служить? – пролепетал изумленный Ежиков.

Эксцентричный посетитель залился веселым смехом.

– Нет, этот гражданин Ежиков самый настоящий оригинал. Он спрашивает, чем он может служить! А? И ему не приходит в голову спросить, чем я могу служить! Ну, так я сам скажу – вот чем!

С этими словами Илья Семенович развернул перед Ежиковым лист, оказавшийся газетой «Известия». Комната мгновенно заходила ходуном. На листе Ежиков увидел

огромные красные буквы и цифры: «Выигрыш в 50 000 руб. золотом – сер. 06, 0660243».

– Как? – сказал он, чувствуя, что в голове у него все перевернулось вверх дном. – Как? Да ведь это же... – из горла у Ежикова вместо голоса вылезал какой-то скрип, – да ведь это мой номер...

– А разве я говорю, что он мой? – радостно ответил Илья Семенович. – Позвольте вас поцеловать, мой дорогой гражданин Ежиков?

С этими словами Илья Семенович обнял Ежикова и поцеловал поочередно в обе щеки.

– Вот так младенец... – сказал Ежиков, не помня себя.

– Никаких младенцев, – энергично ответил Илья, – позвольте, достоуважаемый гражданин Ежиков, узнать, чего вы желаете?

Но опустившийся в изнеможении на диван Ежиков ничего не желал. Он молчал и хотел только одного – чтобы в голове у него перестало вертеться колесо.

Способность желать вернулась к нему лишь после того, как Илья обрызгал его водой.

Тогда Ежиков разомкнул уста и сипло сказал:

– Я желаю жениться на мадам Мухиной, но она не согласна.

– Она не согласна? – вскричал Илья. – Нет, вы уморите меня, милый Ежиков. Желал бы я хоть одним глазком видеть такую дуру, которая не согласна выйти замуж за чело-

века, выигравшего пятьдесят тысяч чистым золотом. Успокойтесь: она уже да, согласна!

И Илья Семенович мгновенно привел из передней мадам Мухину. Мадам Мухина застенчиво улыбнулась, поправила пунцовую розу в волосах и сказала:

– Я всегда любила вас, Жан...

Затем события закрутились в сладостном тумане. Ежиков, сидя на диване, целовал мадам Мухину и излагал Илье Семеновичу свои желания. Оказалось, что он желает золотые часы, ехать в Крым, фиолетовые кальсоны, зернистую икру, идти на «Аиду», бюст Льва Толстого, ковер, охотничье ружье, три комнаты с кухней, автомобиль...

И Илья Семенович волшебным образом доставал все. Ежиков в течение одного мгновенья побывал в Крыму, носил в кармане золотые часы, сидел в ложе Большого театра, ездил по Страстной площади в вонючем таксомоторе и покупал мадам Мухиной соболью шубу на Сухаревке.

Жизнь Ежикова превратилась в ошеломляющий винт, и помнил Ежиков только две вещи – номер своего текущего счета и... что он ни одной минуты не был трезвый.

Так продолжалось месяц, а в конце концов произошел скандал.

Явился какой-то со знаком Воздушного Флота на груди и вежливо сказал:

– А ведь ты, Ежиков, в сущности говоря, свинья. 50 тысяч свалились тебе на голову, и хоть бы одну копейку ты пожерт-

вовал на Воздушный Флот.

Угрызения совести охватили Ежикова.

– Жертвую, в таком случае, 20 тысяч. Целый аэроплан, – вскричал Ежиков, – но с условием: чтобы он назывался «№ 0660243 – гражданина фоккер-Ежикова».

– Пожалуйста, – снисходительно усмехнулся воздухофлотский.

И вот тут выскочила мадам Мухина и все погубила.

– Как, – вскричала она, – да ты одурел, идиот. Двадцать тысяч. Да пока я жива, не позволю.

– Мои деньги! – взревел Ежиков, багровея. – Вон!..

И от собственного рева проснулся на диване и увидел, что ничего нет: ни Ильи Семеновича, ни бюста Льва Толстого, ни мадам Мухиной.

В последний день розыгрыша Ежиков явился на службу и не утерпел, чтобы не поделиться:

– А я, представьте, видел во сне, будто бы я 50 тысяч выиграл. И так реально.

– Ваш номер не может выиграть, – уверенно сказал Петухов, – выиграет нечетный номер, оканчивающийся на 5 или на 7, в крайнем случае – на 3.

Минута в минуту в 4 часа в канцелярию принесли «Вечернюю Москву».

Возбужденный Ежиков развернул ее и, чувствуя биение сердца, глянул на 4-ю страницу. Кислая улыбка пробежала по его лицу.

50 тысяч – серия не та.

И 20 тысяч – не то.

И 10 тысяч.

И 5 тысяч.

– Э-хе-хе, – вздохнул Ежиков и машинально скользнул по таблице в 500 рублей золотом.

И сперва он увидел 06. Затем он увидел 066 и побледнел, как зубной порошок. Потом конец номера – 43 и затем уже сквозь туман середину – 02.

Со службы Ежиков уходил необычным образом. По лестнице за ним шла вся канцелярия и неизвестные небритые люди из 3-го этажа, показывавшие на него пальцами, курьеры и мальчишки-папиросники. С обеих сторон Ежикова под руки держали две машинистки.

Ежиков говорил расслабленно:

– Может быть, это еще опечатка. Я покупаю себе комнату...

Отдельно уходил унылый и молчаливый Петухов. Его номер от ежиковского разнился только на одну единицу. Навски Петухов получил кличку «Теория вероятности».

Если кто-нибудь думает, что я выдумал этот рассказ, пусть посмотрит таблицу выигрышей в 500 рублей золотом.

Как он сошел с ума

1

Дверь в отдельную камеру отворилась, и вошел доктор в сопровождении фельдшера и двух сторожей. Навстречу им с развороченной постели, над которой красовалась табличка: «Заведующий Чаадаевской школой на Сызранке. Буйный», поднялся человек в белье и запел, сверкая глазами:

– От Севильи до Грена-а-ды!! Наше вам, гады!! В тихом сумраке ночей! Раздаются, сволочи, серенады!! Раздается звон мечей!..

– Тэк-с... Серенады. Позвольте ваш пульсик, – вежливо сказал доктор и протянул руку. Левым глазом он при этом мигал фельдшеру, а правым сторожам.

Белый человек затрясся и взвыл:

– Мерзавец!! Признавайся: ты Пе-Де шестьдесят восемь?

– Нет, заблуждаетесь, – ответил доктор, – я доктор... Как температурка? Тэк-с... покажите язык.

Вместо языка белый человек показал доктору страшный волосатый кукиш и, ударив вприсядку, запел:

– Ужасно шумно в доме Шнеерсона...

– Кли бромати, – сказал доктор, – по столовой ложке...

– Бромати?! – завыл белый человек. – А окна без стекол ты видел, каналья? Видел нуль?.. Какой бывает нуль, видел, я спрашиваю тебя, свистун в белом халате?!!

– Морфий под кожу, – задумчиво шепнул доктор фельдшеру.

– Морфи?! – завопил человек. – Морфи?! Бейте, православные, Пе-Де шестьдесят во- семь.

Он размахнулся и ударил доктора по уху так страшно и метко, что у того соскочило пенсне.

– Берите его, братики, – захныкал доктор, подтирая носовым платком кровь из носа, – наденьте на него горячую рубашку...

Сторожа, пытаясь, навалились на белого человека.

– Кар-раул!! – разнесся крик под сводами Канатчиковой дачи. – Карр! шестьдесят вос!.. ап!!

2

В кабинете доктора через два месяца сидел печальный, похудевший человек в пальто с облезлым воротником и мял в руках шапку. Вещи его, стянутые в узел, лежали у ног.

– А насчет буйства, – вздыхая, говорил человек, – прощения просим. Не обижайтесь. Сами изволите понимать, не в себе я был.

– Вздор, голубчик, – ответил доктор, – это у нас часто случается. Вот микстурку будете принимать через два часа по

столовой ложке. Ну, и, конечно, никаких волнений.

– За микстурку благодарим, – ответил человек, вздыхая, – а насчет волнений... Нам без волнений нельзя. У нас должность такая, с волнениями. – Он тяжело вздохнул.

– Да что такое, голубчик, – посочувствовал доктор, – вы расскажите...

Печальный человек крикнул и рассказал:

– Зима, понимаете ли, холодно... Школа-то наша Чаадаевская без стекол, отопление не в порядке, освещение тоже. А ребят, знаете ли, вагон. Нуте-с, что тут делать? Начал я писать нашему ПД-68 на Сызранке. Раз пишу – никакого ответа нету. Два пишу – присылает ответ: как же... обязательно... нужно сделать и прочее тому подобное. Обрадовался я. Но только проходит порядочное время, а дела никакого не видно. Ребята между тем в школе пропадают. Ну-с, я опять ПД-68. Он мне ответ: как же, следует обязательно. Я ему опять. Он – мне. Я ему. Он. Нет, думаю. Так нельзя. Пишу тогда ПЧ, так, мол, и так, составьте, сделайте ваше одолжение, акт. Что же вы думаете? Молчание. Бросил я тогда Пе-Де-68 начал шпарить к Пе-Че. Я ему. Он в ответ: копия вашего уважаемого письма прислана к Пе. Я ему опять. А он к Пе опять. Я ему. А он – Пе. Пе... тьфу... ему. Он – Пе. Я, он, он, я. Что тут прикажешь делать?! Он – молчок. Что ж это, думаю, за наказание? А? И началось тут у меня какое-то настроение скверное. Аппетиту нету. Мелькание в глазах. Чепуха. Однажды выхожу из школы и вижу: бабуш-

ка моя покойная идет. Да-с, идет, а в руках у нее крендель в виде шестьдесят восемь. Я ей: бабушка, вы ж померли? А она мне: пошел вон, дурак! Я к доктору нашему. Посмотрел меня и говорит – вам надо бромати пить. Это не полагается, чтобы бабушек ви- деть...

Осатанел я, начал писать кому попало: в доркультотдел шесть раз написал – не отвечают. Написал тогда в управление дороги четыре раза – зачем, черт меня знает! Не отвечают. Я еще раз. Что тут началось – уму непостижимо человеческому. Приходит телеграмма: никаких расходов из эксплуатационных средств на культнужды не производить. Ночью бабушка: «Что, говорит, лежишь, как колода? Напиши Эн. Они – добрый господин». Уйди, говорю, ведьма. Померла и молчи! Швырнул в нее подсвечником, да в зеркало и попади. А наутро не утерпел – написал Эн. Приходит телеграмма – произвести необходимый ремонт. Я, конечно, Пе. А от Пе телеграмма – произвести необходимейший ремонт. Во! Необходимейший. Я доркультотделу – письмо: ага, пишу, съели? Даешь ремонт! А оттуда телеграмма: «Не расходовать школьные средства от обложений». Батюшки? Выхожу и вижу: стоит Петр Великий и на меня кулаком. Невзвидел я свету, выхватил ножик да за ним. Ну, тут, конечно, меня схватили и к вам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.